Горбанева Анна Васильевна

АНАТОЛЬ ЛИВЕН О РОССИЙСКО-ЧЕЧЕНСКОМ КОНФЛИКТЕ КОНЦА ХХ - НАЧАЛА ХХІ ВЕКА

Статья раскрывает идейно-методологическую позицию британского аналитика А. Ливена по изучению российскочеченского конфликта в контексте динамики Северокавказского кризиса и позиций других американских и британских исследователей войны в Чечне. Рассматривается позиция британского исследователя по основным вопросам конфликта, таким как правомерность действий российского правительства, роль исламского фактора, перспективы мирного урегулирования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/5-1/6.html

Источник

<u>Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики</u>

Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (19): в 2-х ч. Ч. І. С. 28-30. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: woprosy-hist@gramota.net

УДК 930

Статья раскрывает идейно-методологическую позицию британского аналитика А. Ливена по изучению российско-чеченского конфликта в контексте динамики Северокавказского кризиса и позиций других американских и британских исследователей войны в Чечне. Рассматривается позиция британского исследователя по основным вопросам конфликта, таким как правомерность действий российского правительства, роль исламского фактора, перспективы мирного урегулирования.

Ключевые слова и фразы: британская историография; российско-чеченский конфликт; россиеведение; чеченский сепаратизм; идейно-методологическая позиция.

Анна Васильевна Горбанева

Волгоградский государственный университет gorbaneva84@yandex.ru

АНАТОЛЬ ЛИВЕН О РОССИЙСКО-ЧЕЧЕНСКОМ КОНФЛИКТЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА $^{\circ}$

Среди западных исследователей, посвятивших работы российско-чеченскому конфликту, наибольшей лояльностью к российской стороне отличается А. Ливен - британский журналист и историк. Семья Ливен имеет русские корни, многие представители этого дворянского рода в девятнадцатом веке занимали высокие посты на государственной службе в Российской империи. В двадцатом веке связь с Россией также не была потеряна, старший брат Анатоля Ливена, Доминик Ливен, – профессор Кембриджского университета, специалист по российской истории периода наполеоновских войн, автор шести монографий, посвященных императорской России. Несомненно, происхождение семьи отразилось на отношении А. Ливена к России как к предмету его исследований. Кроме того, опыт журналиста, приобретенный им в ходе работы в Афганистане, Пакистане и государствах постсоветского пространства, также позволил ему отойти от многих стереотипов, характерных для его коллег, авторов кабинетных исследований.

Впервые А. Ливен обратился к проблеме российско-чеченских отношений в 1994 году, когда находился в России в качестве корреспондента газеты *The Times*. К этому моменту он уже был автором монографии о становлении независимости в Прибалтике «The Baltic Revolution: Estonia, Latvia and the Path to Independence». Эта монография была отмечена наградой Йельского университета. Попытка чеченской республики добиться независимости привлекла внимание британского журналиста. Можно предположить, что он ожидал повторения событий, однако действительное развитие процессов вокруг Чечни продемонстрировало ему возможность совершенно другого варианта и обеспечило темой для исследований на много лет вперед. В отличие от многих своих коллег журналистов, отошедших от освещения российско-чеченского конфликта после заключения Хасавюртских соглашений, или коллег-историков и политологов, также в значительной мере утративших интерес к событиям на Северном Кавказе после официального объявления об окончании контр-террористической операции, А. Ливен продолжил выступать с комментариями относительно ситуации в Чечне и ее влияния на внутреннюю политику России.

Продолжительная работа в рамках одной темы позволила проследить определенную эволюцию в методологии и идейных взглядах А. Ливена. Некоторые аспекты этих изменений свойствены не только для данного исследователя, но и для ряда его американских и британских коллег, что позволяет говорить об этих изменениях как о типичных для англоязычной историографии чеченского конфликта.

Первой работой А. Ливена, посвященной российско-чеченскому конфликту, стала громко озаглавленная монография «Сhechnya: Tombstone of Russian Power» (Чечня: надгробный камень российской мощи). Ее нельзя со всей уверенностью отнести к историческим исследованиям, аналитике или журналистике. Автор поставил перед собой задачи, значительно выходящие за рамки традиционного журналистского расследования. В процессе написания А. Ливен находился под воздействием впечатления от распада СССР, обретения независимости Прибалтикой и, самое главное, крайне бедственного и нестабильного внутреннего положения Российской Федерации, поэтому основной вопрос, который его интересовал, это - станет ли открытый конфликт в Чечне причиной дальнейшей дезинтеграции государства [5, р. 2]. Несмотря на то, что такая постановка вопроса подразумевает скорее политический распад государства, А. Ливен обратился к различным аспектам структурного распада, таким как ослабление центральной власти, препятствия в развитии власти общественной, нравственное здоровье и криминализация общества на всех уровнях. В этой монографии автор впервые затронул вопрос отношений государства и армии, которому в дальнейшем уделяет значительное внимание. Хотя по жанру работа А. Ливена скорее относится к журналистике, так как по своей структуре состоит из многочисленных цитат и ссылок на участников и очевидцев событий, личных воспоминаний и впечатлений, поставленные им вопросы приближают монографию к историческому исследованию.

Вкладом монографии «Chechnya: Tombstone of Russian Power» стало введение в научный оборот значительного количества фактического материала, который в дальнейшем использовали в своих работах такие авторы как М. Евангелиста и Дж. Расселл. Необходимо отметить, что в отличие от журналистов, американские и британские историки и политологи сфокусированы, прежде всего, на политическом аспекте конфликта.

-

© Горбанева А. В., 2012

Исторический и экономический пласты привлекаются в основном для объяснения дополнительных причин конфликта или факторов, усложняющих его решение. Во всех этих исследованиях отсутствует человек как таковой, чеченец или русский, не являющийся заметным политическим или военным деятелем, субъект конфликта, а не его актор. В этом смысле работы журналистов, не только А. Ливена, но и его коллег С. Смита, В. Беннет, Ш. Гал и Т. де Валя, являются единственным источником для того, чтобы получить представление о рядовых участниках конфликта, влиянии войны на чеченское общество. Воздействие на российское общество и вовсе остается изученным только в контексте политических настроений граждан.

Следующая работа А. Ливена была опубликована в рамках коллективного исследования Московского центра Карнеги «Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России» и посвящена соблюдению законов ведения военных действий в ходе конфликта в Чечне. Эта тема привлекала его внимание и раньше, в частности, годом ранее А. Ливен опубликовал в журнале *East European Constitutional Review* статью по схожей теме [6]. В новом исследовании, созданном в рамках сотрудничества с Центром Карнеги, он попытался рассматривать действия российской армии на территории Чечни в контексте современных представлений о нормах ведения военных действий.

Вопросы правовой оценки российско-чеченского конфликта, которые проанализировал А. Ливен, можно разделить на те, которые относятся к праву Российской Федерации на препятствование самоотделению Чечни и праву чеченского народа на самоопределение, и вопросы, относящиеся непосредственно к методам ведения боевых действий обеими сторонами. В процессе освещения А. Ливеном российско-чеченского конфликта, ответы на них становятся более однозначными по мере радикализации действий чеченских сепаратистов. В его первой книге, проникнутой сочувствием к мирному населению республики и, возможно, некоторой романтизированной симпатией к сепаратистам, поддержка государственных прав Российской Федерации почти незаметна. В новой работе А. Ливен указывает на нормы международного права, согласно которым право России на ведение войны неоспоримо, так как Чечня является признанной частью российской территории, которая восстала против центральной власти [Цит. по: 1, с. 236]. Напоминая о том, что на протяжении всей истории и по сегодняшний день государства реагировали на вооруженное самоотделение вооруженным подавлением, и, напротив, число случаев, когда территории предоставлялась независимость мирным путем, чрезвычайно мало, А. Ливен проявляет несвойственную для многих американских и британских исследователей последовательность. Он не только не применяет двойные стандарты при оценке прав Российской Федерации, но и непривычным образом сочетает политический реализм с либерализмом в оценке ситуации, признавая очевидное право государства на защиту его целостности, вне зависимости от сложившейся вокруг политической ситуации. Отметим, что к 2004 году А. Ливен не только не изменил свою позицию в этом вопросе, но и счел нужным настаивать на ней как на единственно правильной для всего мирового сообщества [3]. Именно этот аспект в отношении А. Ливена к российско-чеченскому конфликту и отличает его от большинства исследователей.

Стремление А. Ливена к объективности в оценке российско-чеченского конфликта позволило ему рассматривать военные действия в Чечне с разных сторон. Признание за Россией права на ведение боевых действий в целом не помешало ему очень жестко критиковать частные моменты российской политики на Северном Кавказе. В первую очередь это касается проблемы военных преступлений, которую британский аналитик изучал в контексте отношений армии и общества. Эти отношения привлекли внимание А. Ливена еще в период войны 1994-1996 годов, что, как нам кажется, было следствием его убеждения в особой роли армии в российском государстве. Армия, власть и общество в России представлялись ему взаимовлияющей системой, где нестабильность одного из компонентов может привести к разрушению остальных. Поэтому говоря о военных преступлениях, А. Ливен подразумевал не только их пагубное влияние на шансы военной кампании в Чечне, но и задавался вопросом о последствиях подобного поведения для всего российского общества [Цит. по: 1, с. 238]. Ответ был дан самими событиями на Северном Кавказе, когда после террористического акта в Беслане А. Ливен связал низкую эффективность контртеррористических мероприятий именно с преступными действиями, совершенными российскими военными [4].

Однако не во всех случаях мнение А. Ливена значительно расходилось с общепринятым, особенно на начальном этапе освещения им войны в Чечне. Так, одной из характерных черт американской и британской историографии российско-чеченского конфликта является романтизация образа чеченской стороны. Для многих профессиональных историков и журналистов на первый план исследования выходит представление о свободолюбивом горном народе, который на протяжении столетий сражается с многократно превосходящим противником. В результате многие события и факторы, противоречащие ему, остаются за пределами внимания исследователей. Это особенно показательно на примере оценок лидеров чеченских сепаратистов, среди которых выделяется образ Д. М. Дудаева. В своих ранних статьях и первой монографии А. Ливен откровенно симпатизирует ему, несмотря на собственные негативные впечатления, и представляет его жертвой обстоятельств, заложником ситуации [5, р. 66]. Противоречия в подходе А. Ливена к характеристике чеченского президента отметил В. А. Тишков, прочитавший рукопись «Chechnya: Tombstone of Russian Power». По словам российского ученого, первоначально британский журналист создал намного более критичный портрет психически неуравновешенного и не контролирующего ситуацию чеченского лидера [2, с. 251]. Но в конечном варианте, под влиянием все того же ореола отчаянного борца за независимость, на трактовку которого наложилась трагическая гибель, образ Д. М. Дудаева в книге А. Ливена значительно приблизился к типичному для американских и британских авторов.

Портреты других лидеров чеченских сепаратистов также не были лишены психологическиоправдательного подхода. Например, рассказ о нападении С. Б. Радуева на Кизляр А. Ливен начал с указания личных мотивов мести за недавно погибшего брата, также он упоминает о кровной мести, говоря и о Ш. Басаеве. Конечно, это нельзя назвать сознательным оправданием боевиков, но, тем не менее, в период войны 1994-1996 годов чеченские террористы вызывают у британского журналиста стремление понять их мотивацию. Ничего подобного нет в работах А. Ливена о второй чеченской кампании. Все чеченские сепаратисты деперсонифицируются и обезличиваются. Единственный чеченский лидер, чье имя упоминает автор, - А. Масхадов, и то по причине его безальтернативности. Это признает и сам А. Ливен, полностью разочарованный во внутренних чеченских политических силах, оказавшихся неспособными контролировать собственную республику в период ее фактической независимости.

А. Ливен, работавший в 80-х годах в Афганистане и Пакистане, использует полученный там опыт, чтобы сделать предположение относительно внутренних механизмов распространения ислама и усиления роли его радикальных течений на Северном Кавказе. Автор провел параллель между Чечней и другими регионами, где влияние ислама радикального толка заметно усилилось в результате предшествующих конфликтов. Например, в Кашмире или Палестине исламские экстремисты смогли легко популяризировать свое учение, пользуясь общей подавленностью населения, его многочисленными трудностями и обидами. С точки зрения А. Ливена, изначально появление этих сил в Чечне происходило по той же схеме, что и в Афганистане — в результате жестокого вторжения российских военных и вызванного им ухудшения жизненных условий. Поэтому в 1994-1996 годах были созданы все условия для возникновения желания отомстить, объявив священную войну под знаменем ваххабизма [5, р. 146].

Взгляды А. Ливена, окончательно сформировавшиеся под воздействием возобновления конфликта, были изложены им в ходе брифинга в Московском центре Карнеги в 2005 году. А. Ливен, отвечавший на вопросы вместе со своим коллегой и соавтором нескольких работ Т. де Валем, отметил главное отличие кампании 1994-1996 годов и продолжавшейся на тот момент контртеррористической операции. Первая чеченская война была, по сути, ненужной, опрометчивой и жестокой, в то время как вторая война, хотя и более обоснована, была преждевременной и слишком жестко проведенной российской стороной [4]. Таким образом, они озвучили часто встречающуюся у американских и британских исследователей идею о «спирали насилия», возникшей на Северном Кавказе. Единожды начавшиеся военные действия повторяются уже на новом этапе, провоцируя их бесконечное продолжение.

К сожалению, А. Ливен дал весьма пессимистичную оценку перспектив окончательного прекращения конфликта. В своем выступлении на брифинге в Москве он заявил, что российские вооруженные силы практически полностью выиграли военную кампанию, но это только привело к тому, что чеченские экстремисты и их сторонники стали прибегать к более масштабным и чудовищным террористическим актам за пределами Чечни, таким как захват театра на Дубровке и школы в Беслане. Таким образом, А. Ливен признал неэффективность политики «чеченизации» конфликта. По его мнению, сама идея допустить чеченские силы к наведению порядка в республике была хороша, так как для стабилизации положения требовалось именно научиться самоуправлению, но на практике эта идея провалилась. По факту российское правительство провело марионеточные выборы, дало власть «кадыровцам», которые в итоге занялись деятельностью, породившей еще больше противников России в чеченском обществе [Ibidem].

Комментируя теракт, произошедший в аэропорту Домодедово, А. Ливен в очередной раз высказал опасения, что вопреки официальным заявлениям о налаживании мирной жизни в Чеченской республике эта часть Северного Кавказа еще долгое время будет являться источником угрозы безопасности [7]. Несмотря на неутешительные прогнозы, озвучиваемые А. Ливеном относительно перспектив урегулирования российско-чеченского конфликта, можно сказать, что британский аналитик является одним из очень немногих англоязычных исследователей, старающихся не поддаваться существующим стереотипам о Российской Федерации и ее политике в ходе российско-чеченского конфликта.

Список литературы

- 1. Малашенко А. В., Тренин Д. В. Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России. М.: Гендальф, 2002.
- 2. Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте: этнография чеченской войны. М.: Наука, 2001.
- 3. Hill F., Lieven A. Now Let the Chechens Select Their Leader // International Tribune. 2005. 12 March.
- **4. Hill F., Lieven A., Waal T. de.** A Spreading Danger: Time for a New Policy toward Chechnya [Электронный ресурс]: текст брифинга в Московском центре Карнеги. URL: http://www.carnegieendowment.org/events/ (дата обращения: 11.09.2008).
- 5. Lieven A. Chechnya: Tombstone of Russian Power. L.: Yale Univ. Press, 1998.
- Lieven A. Morality and Reality in Approaches to War Crimes: the Case of Chechnya // East European Constitutional Review. 2001. Vol. 10.
- 7. Lieven A. Russia Has No Good Terror Options // Financial Times. 2011. 25 January.

ANATOL LIEVEN ABOUT RUSSIAN-CHECHEN CONFLICT OF THE END OF THE XXTH – THE BEGINNING OF THE XXIST CENTURY

Anna Vasil'evna Gorbaneva

Volgograd State University gorbaneva84@yandex.ru

The author reveals the ideological-methodological position of the British analyst A. Lieven on the Russian-Chechen conflict study in the context of North Caucasus crisis dynamics and the positions of other American and British researchers of the Chechen war, and considers the British researcher's attitude to the conflict basic questions, such as the legitimacy of the Russian government activity, Islamic factor role, and the prospects for peaceful settlement.

Key words and phrases: British historiography; Russian-Chechen conflict; Russian studies; Chechen separatism; ideological-methodological position.